

ПРОБЛЕМА КЛАНОВОСТИ И ТУВИНСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Рецензия на книгу: Ламажаа Ч. К. **Клановость в политике регионов России. Тувинские правители.** СПб.: Алетейя, 2010. 208 с.

М. С. Байыр-оол¹

PROBLEM OF CLANNISHNESS AND TUVAN RULERS

Review on a book: Lamajaa Ch.K. **Clannishness in policy of Russian regions. Tuvan governors.** SPb: Aletheya, 2010. 208 P.

M. S. Bayr-ool

Появилась в свет вторая интересная монография Ч. Ламажаа «Клановость в политике регионов России. Тувинские правители». «Архаизация всех сфер общественной жизни, в том числе политической, которая сопровождает постсоветские трансформационные процессы, представляет собой актуальное проблемное поле для исследователей» — утверждает автор. В этом проблемном пространстве весьма распространенным стало понятие «клан», происходящее еще с глубокой древности и весьма вольготно здравствующее и в наши дни во всем мире, в том числе в России. Средства массовой информации страны часто используют метафоры социального и кровного родства: «Ельциновская семья», «Питерский клан», «Солдатские матери», «Кремлевские жены», «Кремлевские дети», «братки» и т.д.

¹ Байыр-оол Монгуш Сендажиевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии Тувинского института гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва.
Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_6/1745-bayr-ool-klan.html

Автор отмечает, что самым болезненным для общественно-политической жизни постсоветских обществ стало наличие клановости во власти. В связи с этим Ч. Ламажаа обратилась к работам теоретиков разных аспектов проблемы. Она считает, что наиболее изученными являются проблемы клановости в среднеазиатских государствах СНГ. У нее в качестве объекта исследования является один из российских регионов с ярко выраженной клановостью во власти 1992-2007 гг. – Республика Тыва (Тува).

Монография Ч. Ламажаа «Клановость в политике регионов России. Тувинские правители» состоит из введения и двух глав. Глава I. *Кланы вчера и сегодня*. (Традиционные подходы, нетрадиционные подходы, истоки и сущность клановости и клановость сегодня). Глава II. *Правители Тувы и их семьи*. Глава состоит из семи параграфов: ранние этапы этнополитогенеза, политическая культура тувинцев, досоветский период, советский период, Тува в 1990-тые годы, Шериг-оол Ооржак и клановая корпорация Ш. Ооржака и заключения.

В первой главе автор рассматривает теоретические и методологические подходы к исследованию обозначенной проблемы, истоки и сущность клановости, показывает состояние проблемы в современности. Опираясь на труды ученых (Л. Морган и др.), автор начал свое исследование традиционных подходов с соотношения понятий «клан как род», «система родства», «племя – род», «род – семья», «родство биологическое и социальное», «клан как тип семьи». Рассматривая эти традиционные трактовки «клан», которые были сформированы в рамках социальной и культурной антропологии, этнографии, а также социологии семьи, автор приходит к выводу о том, что, несмотря на различие-

ния, данное родовое образование можно объединить в единую группу, так как в основе своей они подразумевают родственные связи и отношения между членами клана, хотя родственность эта может быть и условной — не биологической, а искусственной, социальной.

Нетрадиционными трактовками понятия «клан» можно назвать подходы ряда современных социологов, политологов, экономистов, считает Ч. Ламажаа. По ее мнению, кланы для них — не этнологические объекты и даже не семейные системы, а социальные группы с особыми характеристиками, часть из которых сходна с клановыми: замкнутость, доверие между членами группы и пр. В связи с этим автор анализирует «кланы» как финансово-промышленные группы, «кланы как политические группы», как «команды, клики, корпорации». Ч. Ламажаа часто ссылается на работы Ж. Тощенко, О. Крыштановской, О. Гаман-Голутвиной и др. Однако у автора исследования есть свое мнение.

Опираясь на многие работы своих предшественников, Ч. Ламажаа дает следующее определение: «Клан — это объединение, основанное на родстве его членов, на происхождении их от одного предка (реального или вымышленного), имеющее общую хозяйственную основу для функционирования и соответствующую структуру для реализации эффективной хозяйственной деятельности: лидера (лидеров) клана и группу родственников. Соответственно, клановые отношения — это, прежде всего, родственные отношения между людьми, объединенными, как и в архаические времена, для решения экономических задач выживания» (С. 41).

Однако в современную эпоху, когда народ живет совершенно в другом социальном мире, вряд ли такое определение адек-

ватно реальной действительности, тем более, понятию «от одного предка». На самом деле родственные отношения связаны со свойственными отношениями, более того территориальными (чер төрел — земельный родственник) земляческими отношениями (например, питерские и т.д.). Но тем не менее данное определение выражает сущность клановости в политике.

Бегло ознакомив читателя с некоторыми теоретическими и методологическими положениями монографии Ч. Ламажаа, теперь переходим к теме исследования «Правители Тувы и их семьи».

В параграфе «Ранние этапы этнополитогенеза» автор исследовал проблему периодизации, где подверг критическому анализу существующую литературу на эту тему и совершенно правильно отмечает, что исследование политической культуры кочевого этноса, формирование которого началось, по мнению этнографов, в VII-XII веках (т. е. в период существования первых раннефеодальных государств Центральной Азии и Южной Сибири: Древнетюркского, Уйгурского, Древнекыргызского каганатов, должно учитывать сложную предысторию). Основным компонентом тувинского этноса были различные тюркские племена, которые жили в Туве и проникали в нее с II в. до н. э. (хунны) по XII в. н. э. Начиная с древнетюркского времени (VI-VIII вв.) на территории стали формироваться общие черты материальной и духовной культуры кочевого образа жизни населения Тувы (С. 73). Со времени распада монгольской империи (конец XIV-XVI вв.) тувинские племена, по мнению М. Маңнай-оола, стали более независимыми от монгольских феодалов и в основном жили на своих исконных территориях. Находясь в составе Аддын-Ханского княжества, а затем Джунгарии, они управлялись своими князьями. В

первой половине XVIII в. до завоевания Тувы Маньчжурской династией Китая (1757-1912) была создана территориальная, административная и отчасти экономическая обособленность, которая способствовала дальнейшему углублению процесса консолидации тувинцев в особую тюркоязычную этническую общность—тувинский этнос.

Как считает Ч. Ламажаа, получение Тувой протектората России в 1914 г. ознаменовало собой официальное включение региона в российские цивилизационные процессы, что фактически произошло ранее — с конца XIX века. В истории края также присутствует и короткий, но немаловажный период существования собственной государственности — Танну-Тувинский (1921 — 1925 г.г.), Тувинской народной республики (1925 — 1944 г.г.), затем история России и Тувы уже второй раз стала юридически и фактически единой: Тува вошла в состав СССР в октябре 1944 г. сначала на правах автономной области, впоследствии получила статус автономной республики, с 1991 года Тува — один из субъектов Российской Федерации.

Ч. Ламажаа считает, что в политической истории тувинцев надо выделить следующие этапы:

1. складывание основ этносоциальной общности тувинцев в период существования «степных империй»;
2. период нахождения тувинских племен в составе Великой монгольской империи (XII — XVI вв.);
3. в период существования государства Алдын-Ханов и Джунгарии (XVI — первая половина XVIII в.);
4. время окончательного формирования тувинского этноса в период господства Цинской империи в Центральной Азии (первая

половина XVIII – начало XX в.) – время складывания основных черт политической культуры тувинцев;

5. период от установления протектората Российской империи до образования тувинского национального государства (1914 – 1921 г.г.);

6. период существования ТНР (1921 – 1944 г.г.);

7. период от официального вхождения ТНР в состав СССР до распада СССР (1944- 1991 г.г.);

8. постсоветский период (с 1991 года по настоящее время).

Такая периодизация тувинской политической истории, в том числе мысли о возникновении и формировании политической культуры, этноса, являются существенным вкладом автора в исследования этнополитогенеза кочевников Центра Азии.

Политическая культура тувинцев до сих пор не являлась специальным предметом для изучения. Лишь отдельные аспекты проблемы поднимались в публикациях отдельных авторов. Автор монографии в формуле «древность – современность», опираясь на работы специалистов, глубоко исследовал корни политической культуры кочевников.

«Складываясь как этнос, – пишет Ч. Ламажаа, – тувинцы проходили свой путь от архаического социального устройства к усложнившемуся обществу, выстраивали свою систему властных отношений, создавали свою государственность».

Автор анализирует тройственное отношение тувинцев к власти, точнее три принципа политической культуры тувинцев. Во-первых, безусловно, присутствовали традиционные отношения господства «хозяина» и подчинения «клиента» – патрон-клиентельные отношения. Во-вторых, актуальным было и представ-

ление о равноправии людей, родов, а затем — кожуунов (пережиток традиций родоплеменной демократии). В-третьих, было чувство соперничества между родами (кожуунами) и их лидерами (С. 84, 91).

Автор подчеркивает, что Советская, точнее партийная власть, значительно перекроила тувинское общество, пытаясь вписать в единую народно-хозяйственную систему. В этот период соперничество тувинских родов, кожуунов ушло на второй план благодаря иллюзии консолидации, которую приносила коммунистическая идеология. Востребованными оказались только патрон-клиентельные отношения, перенесенные на новую социальную иерархию (правлящий класс — номенклатура и управляемое общество — все население), которые были подкреплены декларируемыми ценностями равенства и братства — вполне понятными для тувинцев-общинников (С. 92).

Далее автор пишет о радикальных реформах 1990-х годов, которые привели к анархическому переделу власти и капитала в постсоветских обществах. Деятельность политических группировок почти ничем не контролировалась, политическая жизнь Тувы усложнилась действием уже всех трех факторов — трех аспектов политической культуры тувинцев. Определяющими стали прежде всего этнокультурные маркеры «своих» и «чужих».

О биографиях правителей Тувы в досоветский и советский периоды мы не будем подробно касаться этого вопроса, поскольку об этом (прежде всего, о М. Буяне-Бадыргы) имеется достаточная литература, хотя не бесспорная. Например, отцовская линия известного правителя Хемчика Ак-Монгуш Хайдыпа (седовласого нойона) восходит к славянам. Дело в том, что еще в конце XVIII в.

тувинцы рода Монгуш охотились в северной тайге Хан-Дээр и нашли там еле живого славянского парня и привезли его домой, вылечили. Парень вырос, стал своим человеком в аале. Потом он женился на тувинке, имел девять сыновей и трех дочерей. Одного из сыновей звали Хайнакай (метис) по прозвищу Улуг-Ашак (мужик-великан), который стал родоначальником Ак-Монгушей Хемчика, которые жили по левой стороне реки в местечках Чес-Булун, Кара-Булун, Ишкин и т.д. Одного из сыновей Хайнакая звали Кара-Бай (а не Арапай, прозвище Чанчаар-Чаегы). От него родился Хайдып в 1859 году. Его отец умер рано, неудачно упав с коня. Табунщик Монгуш Номчула является близким родственником Хайдыпа, а его приемный сын Ак-Монгуш Баян-Бадыргы — его родным племянником. Не случайно приезжие в Туве отмечали, что Хайдып высокий как Карл Великий в Европе, а у Буяна-Бадыргы отсутствуют даже монгольские скулы. Потому что в их жилах частично текла славянская кровь, что свидетельствует о генетической связи тувинских правителей с русским крестьянством. Что касается слухов о загадочной смерти Хайдыпа в 1909 г. (предположительно — отравление в поездке в русское представительство в Минусинск), то это плод фантазии информантов, ничем фактически не подтвержденных. У меня есть достоверные сведения о том, что в день похорон Хайдыпа умер монгольский лама, а в гробу лежал человек без головы, а его родной брат Чамзы-Камбы не присутствовал на похоронах. На этом основании я предполагаю, что правитель Хемчика Ак-Монгуш Хайдып благополучно эмигрировал в Китай...

Из тувинских правителей автор уделила основное внимание биографии, стилю руководства, клановой корпорации и причинах

клановости при Ш. Д. Ооржаке. Это наиболее актуально, потому что его политическая деятельность приходится на переломное время в российской истории, непосредственно связанное с распадом СССР, с разрушением сельского хозяйства, промышленности, строительства, государственного транспорта и других сфер общественной жизни в целом, с политической и экономической анархией.

Будучи представителем советской номенклатуры, Ш. Ооржак получил подготовку, которая оказалась почти непригодной для новых условий (к сожалению, почти такую же ситуацию мы наблюдаем в социальной и политической жизни сегодняшней России, в том числе Тувы). В первый свой срок Ооржак сумел сохранить социальную стабильность во взрывоопасном регионе с достаточным конфликтным потенциалом. Однако далее этого он не сумел продвинуться, давая либерализации «зеленый свет». Новых методов решения проблем у главы правительства не было, рецептов из Москвы не давали, как в прежние партийные времена. Были лишь дотации для Тувы, но уже в гораздо меньших размерах, чем раньше.

Исследовательница сделала вывод о том, что «в 2000-е годы в Туве при Ш. Д. Ооржаке сформировалась клановая корпорация во власти. Появилась она в усилении «политических позиций членов «малой» и «большой» семьи первого Президента Тувы, которые стали открыто занимать ключевые посты в политике республики, в различных областях экономики. Главными фигурантами властной пирамиды-клана были Ш. Д. Ооржак и его жена Сара Монгушовна Ооржак (С. 152). Это действительно так.

Но в истории Тувы такой прецедент уже был, правда без участия детей. Я думаю, что в силу своего молодого возраста автор просто недостаточно знает историю Советской тувинской номенклатуры. Дело в том, что С. К. Тока — отец советского типа клановости в Туве. Достаточно напомнить о том, что С. Тока в конце 1929 года назначил членом ЦК ТНРП родного брата Пежендея, дважды назначал человека своего аала Л. Б. Чадамба депутатом Верховного Совета СССР, постепенно «вырастил» своего земляка из Тоджи М. К. Мендуме председателем Совета Министров Тувинской АССР, а своего племянника С. Х. Красного назначил сначала председателем Кызылского горисполкома, затем секретарем Президиума Верховного Совета Тувинской АССР. Этот список можно еще продолжить.

Так что в своей клановой деятельности Ш. Д. Ооржак не очень оригинален. Он повторил лишь то, чем занимались его предшественники из партийной номенклатуры, но в новое историческое время, в условиях архаизации и анархизации политической жизни с целью извлечения личной выгоды. Его политическое поведение носило лишь более откровенный характер и вызвало протесты со стороны недовольной оппозиции, которая в свою очередь преследовала те же интересы. Это всего лишь вершина айсберга. На самом деле клановость пронизывает всю политическую и социальную структуру тувинского общества, что вызывает отчуждение людей от власти, недоверие и апатию. Поэтому на всей территории России, в том числе Тувы, процветает коррупция и вседозволенность.

В заключении отмечу, что монография Ч. Ламажаа посвящена очень актуальной теме, имеет не только теоретическое, но прежде всего практическое значение. Клановость характерна прежде всего для архаических (отсталых) обществ. Существование столь циничной клановости — подтверждение нашей отсталости, некомпетентности и невежества в сфере управления. Единственная гарантия от клановой заразы — это построение цивилизованного демократического общества в России. Иначе мы будем топтаться на месте, как в последние двадцать лет.